

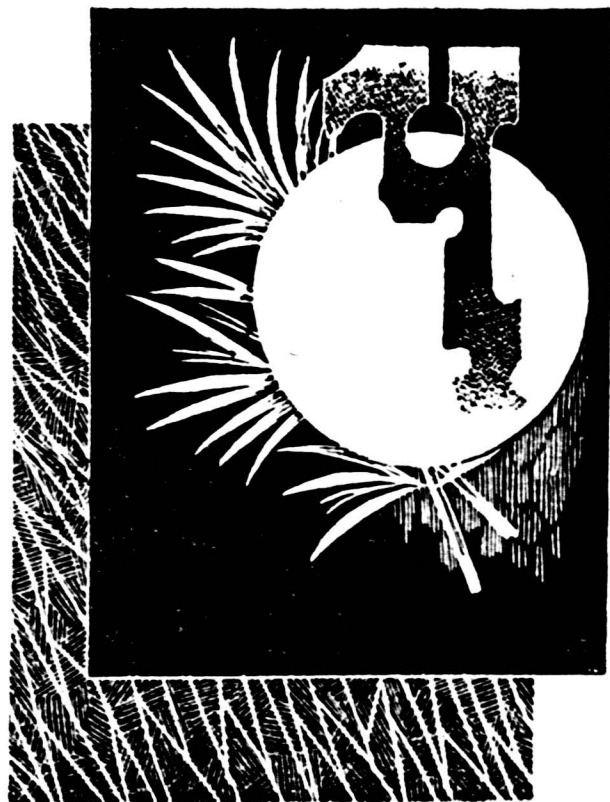
ОЧЕРКЪ II.

ФИЗИЧЕСКІЙ ХАРАКТЕРЪ СТРАНЫ.

Новороссійскія степи и ихъ растительность.—Черноземъ.—Балки и орошеніе страны.—Главныя степныя рѣки и ихъ русла.—Днѣпровскіе степные граниты и пороги.—Днѣпровскіе плавни.—Горныя отрасли Бессарабіи.

Теплый вѣтеръ тихо вѣетъ,
Жизнью свѣжей дышитъ степь,
И кургановъ зеленѣетъ
Убѣгающая цѣпь.

Фетъ.



етыре новороссійскія губерніи, Бессарабская, Херсонская, Екатеринославская и Таврическая, взятыя вмѣстѣ, лежатъ подъ $45^{\circ} 47'$ и $48^{\circ} 20'$ сѣверной широты и $44^{\circ} 20'$ и 58° восточной долготы, считая отъ парижскаго меридіана. Протянувшись на такомъ огромномъ пространствѣ, Новороссія представляетъ значительное разнообразіе мѣстности и климата. Въ сѣверной ея части встрѣчается довольно много лѣсовъ, обильное орошеніе, тучные луга; зимы довольно суровыя и многоснѣжныя; вообще же климатъ немногимъ отличается отъ климата средней Россіи. За этою полосою, которая обнимаетъ почти всю сѣверную половину Новороссіи, къ югу начинаются уже настоящія степи. Лѣсовъ нѣтъ. Множество рѣчекъ по разнымъ направленіямъ пересѣкаютъ эту равнину, но въ знойное время года они совершенно пересыхаютъ. Другія, вѣкогда большія рѣки, окончательно исчезли, оставивъ послѣ себя только глубокія долины или *балки*, которыя, вмѣстѣ со множествомъ насыпей или кургановъ, однѣ только и нарушаютъ томительное однообразіе степи.

Здѣсь уже имѣются произведенія южной Европы, какъ на примѣръ, персики, абрикосы и виноградъ, зрѣющіе на открытомъ воздухѣ; на поляхъ же растутъ дикіе тюльпаны и миндальное дерево. Въ степяхъ иногда весь годъ кочуютъ стада, не боясь зимы. Даже верблюды живутъ и плодятся здѣсь. Степная полоса занимаетъ всю южную половину Новороссіи вплоть до южнаго берега Крыма, который рѣзко отдѣляется отъ степи горнымъ хребтомъ Яйлы и по климату и растительности имѣетъ гораздо больше общаго съ Италіей, напр., съ окрестностями Генуи, чѣмъ со степной частью Новороссіи. Весна въ этомъ уголкѣ начинается очень рано и почти незамѣтно переходитъ въ знойное лѣто. Умѣренная, сухая—она очень часто замѣняетъ зиму. Розы цвѣтутъ здѣсь круглый годъ. Если бы еще росла здѣсь пальма, то южный берегъ Крыма мы должны были бы назвать страню тропическою.

Но южный берегъ Крыма—только небольшой уголокъ Новороссіи. Сѣверная лѣсная полоса такъ же незначительна, такъ что Новороссійскій край съ полнымъ основаніемъ можетъ быть названъ степнымъ краемъ—степью.

Широко раскинулись новороссійскія степи, но мало разнообразіа въ нихъ. Сотни верстъ пройдешь по нимъ, а картина все одна и та же: далеко-далеко, на сколько хватаетъ глазъ, тянется степь, то гладкая, какъ столъ, то всхолмленная и перерѣзанная глубокими балками. Жилье встрѣчается рѣдко, села—еще рѣже, да и тѣ имѣютъ печальный видъ: гдѣ-нибудь въ ложинѣ или по склону балки раскинуто нѣсколько десятковъ домовъ, безъ зелени, безъ огородовъ, безъ всякихъ даже хозяйственныхъ построекъ... Печальна картина степи въ концѣ лѣта, когда степь выжжена знойными лучами солнца. Еще болѣе печальна она зимою, по-покрытая бѣлою пеленою снѣга. Но весною, въ маѣ, она покрывается высокой тучной травой, въ которой разсыпаны миллионы цвѣтовъ,—и въ это время каждый любитель природы не наглядится на нее, не надышется ея чуднымъ ароматнымъ воздухомъ. «Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!»—невольно воскликнетъ онъ вмѣстѣ съ Гоголемъ. А вотъ картинное, поэтическое описаніе степи, данное также любителемъ природы, В. Пассекъ («Очерки Россіи»).

«Много приволья и простора среди южно-русскихъ степей. Я видѣлъ ихъ въ мартѣ, пред-возвѣстникъ южной весны. Солнце горѣло высоко и жарко. Воздухъ дышалъ свѣжестью. Бѣлыя облака какъ-то беспокойно бѣжали по синевѣ неба. Птицы неслись то вереницами, то нестройными стадами, и ихъ крикъ и свистъ не умолкали ни днемъ, ни ночью. Жаворонокъ разсыпался пѣсней. Рѣки въ разливѣ своемъ обхватили луга до вершинъ деревьевъ, залили острова и перешагнули черезъ гранитъ пороговъ; ручьи съ шумомъ сновали по всѣмъ логамъ и оврагамъ. Новая свѣжая зелень пробивалась сквозь отжившія травы; высокіе, почернѣвшіе остовы бурьяна безжизненно смотрѣли на призывъ новой весны. Человѣкъ весело выходилъ изъ жилья и радовался на Божій міръ, радовался, смотря на зеленѣющія пажити, воздѣланныя его трудомъ и богатая будущею жатвою.

«Я видѣлъ степь въ маѣ. Солнце одиноко и знойно горѣло въ лазури неба; воздухъ полонъ нѣги и благоуханія; ночи холодны и живительны. Травы, полныя жизни, цвѣтутъ и незримо вырабатываютъ зерно новой жизни, для новой весны. Птицы зажили семьями и заботливо укрываются въ густой травѣ. Природа погружена въ тайны жизни, и все живое, будто затаивъ дыханіе, наслаждается въ самомъ себѣ; кругомъ тишина отрадная, невыразимая... Вѣрно въ это время поэтъ слышалъ, *какъ мотылекъ колыбался надъ травой, и какъ змѣя, скользя, дотрогивалась до стебля травы.*

«Въ сентябрѣ уже кончена жатва; поля отягощены золотыми снопами хлѣба. Заговорили токи и полное зерно обильно сыплется изъ подъ цѣповъ и копытъ лошади. Увядавшія травы желтѣютъ; однѣ бережно хранятъ въ себѣ будущее поколѣніе, другія открываютъ свои сокровищницы и легкій вѣтеръ прилетаетъ за сѣменемъ, уноситъ его и заранѣе отводитъ ему мѣсто для колыбели и могилы, для смерти и воскресенія. Серебристый ковыль волнуется широкимъ озеромъ и, кажется, плещетъ на желтый берегъ увядающей зелени. Птицы вывели изъ травяной глуши свою молодую семью, учатъ дѣтей хитростямъ жизни и собираются въ стада. Солнце горитъ одиноко; полдень зноенъ, утро и вечеръ прохладны; воздухъ замѣтно сухъ; день коротокъ, зари почти нѣтъ: близка южная осень. По ноябрьскому небу тяжело несутся сѣрыя облака. Земля смочена и дождь снова накрапываетъ; солнце не лелѣетъ земли своей любовью: едва проглянетъ и скроется на цѣлый день. Трава увяла; новая зелень хлѣбовъ, среди угасающей жизни, наводитъ уныніе, какъ предсмертный румянецъ лѣта. Въ вышавѣ слышны крики гусей и журавлей; дрофы и журавли ходятъ огромными стадами, аисты собираются на взморьѣ тысячами; одно стадо поджидаетъ другое, чтобы не было такъ грустно покинуть родныя степи и летѣть на чужбину.

«Жилье человѣка обставлено скирдами хлѣба: собранъ разсѣянный трудъ цѣлаго лѣта; надъ хатою чаще и долѣ вьется сѣроватый дымъ; по токамъ слышенъ стукъ цѣповъ и топотъ конскій; тяжелый плугъ снова бороздитъ шиву.

«Январь. Рѣки окованы уже льдомъ. Южныя степи забѣлѣлись, какъ сибирскія тундры. Съ запада налетаютъ снѣжныя тучи, засыпаютъ курганы и овраги; метель бьетъ въ окно поселенина и завываетъ, будто проситъ пріюта. Съ востока набѣгаетъ ураганъ, со свистомъ взмываетъ волны снѣга, своенравно сбиваетъ ихъ въ сугробы, заметаетъ рвы и холмы. Вольный сынъ степей—онъ привыкъ здѣсь жить съ вольными кочевыми народами, еще недавно гулялъ съ ватагами татаръ и казаковъ—онъ хочетъ простора, а предъ нимъ жилье человѣка, запасы труда—и онъ, какъ хищникъ, кидается на нихъ, рветъ, мечетъ, хочетъ увлечь съ собою и утомленный бѣжитъ далѣе. А въ жильѣ свѣтится огонь: человѣкъ, привыкнувъ къ степнымъ непогодамъ, спокойно занятъ своимъ дѣломъ и не страшится набѣговъ. Буря утихла: небо безоблачно и холодно; солнце свѣтитъ сквозь міриады сверкающихъ пылинокъ; высокій бурьянъ стоитъ недвижимо и свѣтитъ радужно оледенѣлыми вѣтвями; степь безпредѣльна, подъ саваномъ снѣга укрываетъ и бережетъ жизнь другого лѣта.

«Я былъ въ степяхъ и теперь они будто предо мною. Душа полюбила ихъ безпредѣльность, ихъ равнины и лабиринтъ ихъ логовъ, и ребра рѣкъ великановъ, и пустыню неба съ одинокимъ знойнымъ солнцемъ, и темную синеву неба среди ночи, съ яркими звѣздами, ихъ непробудную тишину, вихри, бури, миражи, ужасъ засухъ и метелей.

«Какъ часто среди тишины внезапно, внезапно схватится вихрь и побѣжитъ по степи, то понесется прямо стрѣлою, то закрутится и обѣжитъ кругомъ васъ; сметаетъ сухія травы, срываетъ съ кровель тростникъ и солому, взвѣваетъ пыль, бѣжитъ, растетъ, вздымается къ облакамъ и вдругъ, будто выбившись изъ силъ, роняетъ все, что захватилъ на пути, и добыча безобразно сыплется на землю.

«Бываетъ, въ ясный день, въ пустынной степи подымутся верхи церквей, колоколенъ, какихъ-то готическихъ зданій, окруженныхъ широкимъ разливомъ воды, точно озеро и на немъ острова, покрытые деревьями; тамъ бродятъ какія то громадныя животныя—чудовища, тамъ море гонитъ свои синія волны... Приближаетесь и все, какъ очарованное, удаляется отъ васъ; идете тихо—и зданія, и воды отодвигаются медленно; скачете—и все бѣжитъ и измѣняется, а предъ вами та же пустыня неба и безводной степи, и тѣ же могильные курганы. Не грядущую ли жизнь и благо степей прообразуютъ эти видѣнія?

«Хорошъ видъ степныхъ пожаровъ. Когда раннею весною выжигаются степи, огонь перебирается по травѣ, и сухой стебель то затлѣется, то вдругъ вспыхнетъ, какъ свѣчка; пламя перебѣгаетъ, развивается; столбъ чернаго дыма встаетъ, растетъ, и если огонь нашелъ преграду, отдѣлится отъ земли и, свертываясь и развиваясь, несется облакомъ. Опаленная земля черна, какъ уголь; сухія травы сожжены; но не пройдетъ мѣсяца—и земля съ новою силою и свѣжестью убирается зеленью».

Изъ растений, свойственныхъ степной полосѣ Новороссіи, мы не будемъ останавливаться на хлѣбныхъ злакахъ: пшеницѣ—арнауткѣ и гиркѣ, ржи, овсѣ и проч., хотя они и покрываютъ сотни тысячъ десятинъ, постепенно вытѣсняя аборигеновъ степи—ковыль, полевицу и разные виды бурьяна и степныхъ кустарниковъ.

Но мы остановимся на этихъ послѣднихъ. Изъ нихъ наиболѣе характернымъ является *ковыль* (*st. penata*)—многолѣтнее растеніе, образующее большіе кусты. Ости его достигаютъ



Отдыхъ въ степи.

полуаршина длины, чрезвычайно тонки, гибки и покрыты мягкимъ пухомъ. Степь, покрытая ковылемъ, еще издали серебрится, потому что малѣйшій вѣтеръ наклоняетъ перья его въ одну сторону, а солнце играетъ на ихъ блестящихъ пушинкахъ. Въ сильный вѣтеръ ковылистое поле представляетъ странный оригинальный видъ: оно словно зыблется и переливается изъ края въ край. Для непривычныхъ глазъ такое зрѣлище ново и поразительно; никакое теченіе воды на него не похоже; но своимъ однообразіемъ оно скоро утомляетъ зрѣніе и наводитъ какое-то уныніе на душу. Ковыль любитъ только дѣвственную степь, не тронутую сохою; поэтому область его распространенія суживается съ каждымъ годомъ. Различные виды полевицы представляютъ густыя раскидистыя метелки, состоящія изъ самыхъ нѣжныхъ вѣточекъ и блестящихъ чешуекъ крошечныхъ волосковъ своихъ. Лѣтомъ, когда онѣ цвѣтутъ, мѣста, ими заросшія, кажутся издали покрытыми блестящимъ пухомъ. Изъ кустарниковъ обращаютъ на себя вниманіе—степной дубнякъ, чилижникъ, бобовникъ и вишенникъ. Въ особенности характерны два послѣдніе. Растутъ они обыкновенно вмѣстѣ и очень часто на самыхъ возвышенныхъ пунктахъ степи, напримѣръ, на курганахъ. Кустарники эти вмѣстѣ съ выросшими среди ихъ и подъ ихъ защитою высокими травами образуютъ чрезвычайно густыя заросли, которыя далеко бросаются въ глаза своею сочной темной зеленью. Бобовникъ и вишенникъ должны быть признаны въ высшей степени приспособленными къ степнымъ условіямъ климата и почвы. Истребить ихъ до того трудно, что даже среди пахатныхъ полей они по большей части образуютъ круговины, несмотря на то, что ихъ постоянно тревожитъ соха и борона; даже у дорогъ и на степныхъ лугахъ, гдѣ пасутся стада, они растутъ густо и приносятъ плоды, несмотря на то, что ихъ топчаты и грызутъ овцы. Иногда вишенникъ обноситъ небольшой изгородью и тогда онъ разрастается широко и довольно высоко и даетъ много ягодъ, которыя идутъ на выжимку морса.

Эти кустарники замѣняютъ въ степи лѣса, которыхъ тамъ нѣтъ и по всей вѣроятности никогда не было. Причины, мѣшающія росту деревьевъ въ степи, многочисленны: неудобное распредѣленіе дождей и истекающая отсюда сухость почвы, сила и постоянство вѣтровъ, дующихъ преимущественно съ юго-востока, многочисленные стада овецъ, истребляющія молодые побѣги—вотъ главнѣйшія изъ нихъ. Но если лѣса въ этой мѣстности нѣтъ, то отсюда конечно нельзя еще заключить, что его тамъ и быть не можетъ. Да и опытъ доказываетъ противное. Напримѣръ, въ послѣднее полстолѣтіе въ степной части Бессарабіи разведено очень много лѣсныхъ плантацій (попреимуществу изъ акацій), которыя растутъ отлично и вполне удовлетворяютъ мѣстной потребности въ лѣсѣ. Правда, что и требованія эти не велики, такъ какъ дома, изгороди и вообще всякія хозяйственныя постройки въ Новороссіи никогда не дѣлаются изъ дерева: его замѣняютъ камень, глина или *чамуръ* (кирпичъ, сдѣланный изъ земли, смѣшанной съ навозомъ или соломой). Для топлива употребляется навозъ (кизякъ). Лѣсъ нуженъ здѣсь только для разныхъ хозяйственныхъ подѣлокъ да для виноградныхъ тычинокъ.

Лучшіе лѣса Новороссійскаго края до сихъ поръ находятся въ сѣверной половинѣ Бессарабіи—въ уѣздахъ Кишиневскомъ, Оргѣевскомъ, Хотинскомъ. И теперь тамъ немало великолѣпныхъ дубовыхъ лѣсовъ или «кодровъ». Но все это лишь жалкіе остатки прежняго богатства, когда лѣса тянулись тамъ на десятки верстъ, когда лѣсъ не имѣлъ почти никакой цѣнности. Лучшіе лѣса Бессарабіи принадлежали разнымъ заграничнымъ монастырямъ, которые владѣли въ этой мѣстности богатыми и обширными имѣніями. Въ послѣдніе годы имѣнія эти перешли въ руки казны, но еще до этого перехода монастырскіе лѣса подверглись безпощадному истребленію.

Но главное богатство Новороссіи заключается не въ лѣсахъ, даже не въ обилии земли, а въ ея высокомъ качествѣ. Дѣло въ томъ, что степи Новороссіи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ прибрежій и солончаковъ,—сплошной и глубокой черноземъ. Глубина его доходитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 6 и даже до 8 футовъ, уменьшаясь на вершинахъ холмовъ и вообще



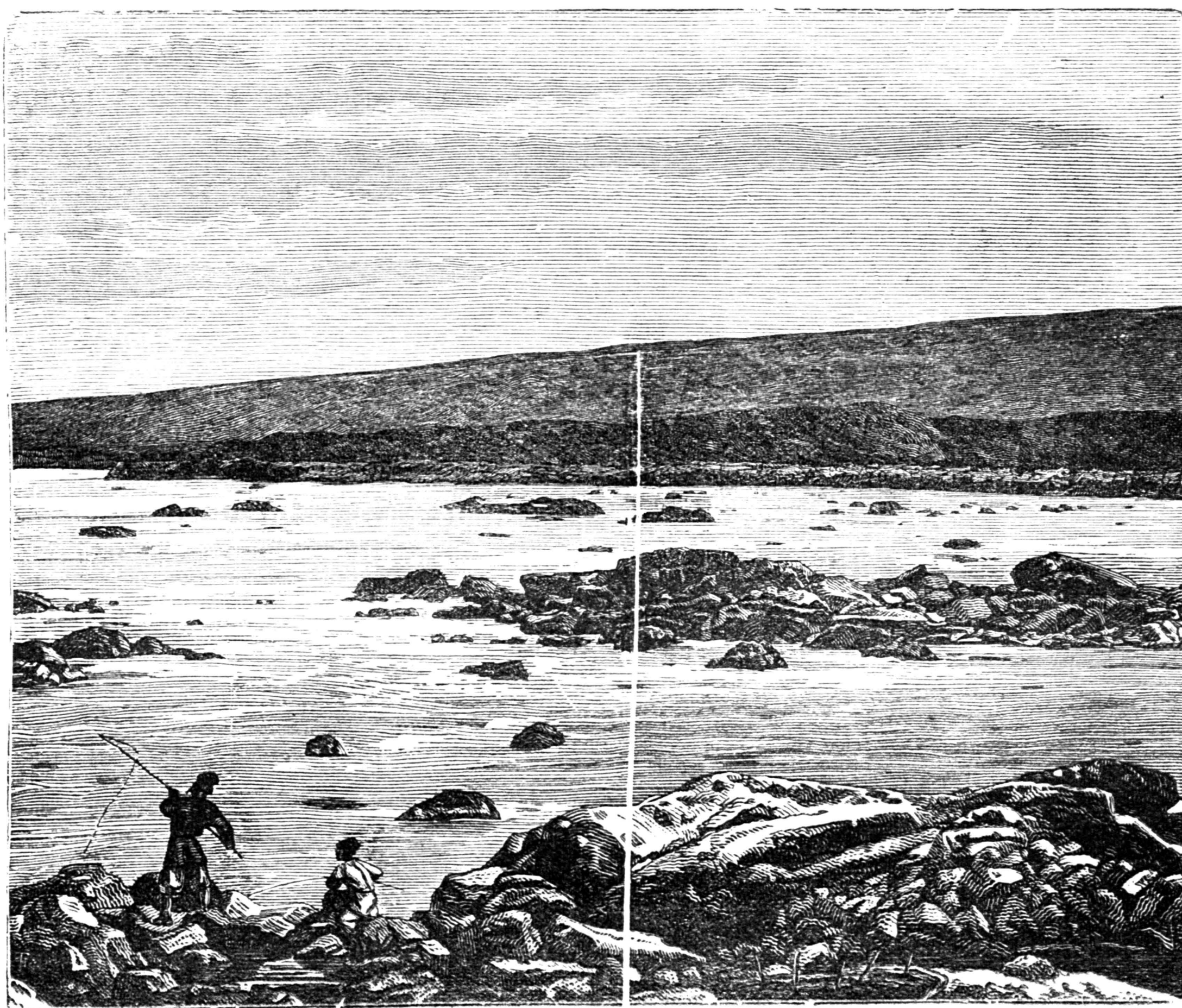
Переходъ по льду чрезъ Днѣпръ близъ Екатеринослава.

мѣстахъ возвышенныхъ и увеличиваясь въ балкахъ и долинахъ. Такого чернозема нѣтъ нигдѣ въ западной Европѣ и обиліемъ его обуславливается плодородіе почвы Новороссіи. Относительно происхожденія чернозема, способа его образованія и причинъ плодородія есть много предположеній; но, не основанныя на твердыхъ научныхъ данныхъ, всѣ они, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывались несостоятельными. Повидимому, наиболѣе научная теорія образованія чернозема принадлежитъ академику Рупрехту. По его мнѣнію, черноземъ не есть морской илъ, отложенный морскими теченіями съ сѣвера, какъ полагалъ Мурчисонъ, или отступленіемъ прежняго Каспійско-Понтійскаго моря, какъ говоритъ Петцгольдъ, потому что въ черноземѣ нѣтъ и слѣдовъ морскихъ раковинъ, микроскопическихъ политалямій, полицистиній и морскихъ бациллій, потому что дно прежняго Каспійско-Понтійскаго моря, сдѣлавшееся сушею и покрытое множествомъ морскихъ раковинъ и понынѣ живущихъ моллюсковъ, представляетъ низменную степь съ соляными озерами и солонцами, безъ всякихъ слѣдовъ чернозема. Черноземъ не могъ образоваться также отъ высыханія и истлѣванія торфяниковъ, какъ полагали многіе (Эйхвальдъ, Вангенгеймъ, Лудвигъ), потому что въ южной степной Россіи никогда не было изобилія лѣсовъ и болотъ, чѣмъ обуславливается существованіе торфяниковъ. По мнѣнію же академика Рупрехта, черноземъ произошелъ отъ дерна. Дерновая почва, какъ по наружнымъ признакамъ, такъ и по химическому составу и микроскопическому строенію, представляетъ настоящій эквивалентъ чернозема. Подъ вліяніемъ солнца и дождя, травянистыя части растенія истлѣваютъ, обращаются въ перегной, просачиваются въ почву и обуславливаютъ собою болѣе или менѣе черный цвѣтъ ея. Резюмируя свои положенія, Рупрехтъ говоритъ, что объясненіе происхожденія чернозема отъ степного дерна, покрывавшаго почву многія тысячелѣтія, истинно потому, что нѣтъ ни одного явленія, которое противорѣчило бы этому. Отсутствіе же политалямій и полицистиній, морскихъ бациллій, морскихъ и прѣсноводныхъ раковинъ, уменьшеніе, вмѣстѣ съ глубиною, темнаго цвѣта, количества перегной и фитолитарій, скудное содержаніе органическихъ веществъ сравнительно съ кремнеземомъ и другими неорганическими частями чернозема, залеганіе на куполообразныхъ слегка выпуклыхъ равнинахъ и на вершинахъ плоскихъ горъ и холмовъ, распространеніе, мѣстами прерванное, на огромное протяженіе, частое отсутствіе чернозема вдоль береговъ рѣкъ, коль скоро онъ новаго образованія, отсутствіе его въ Понтійско-Каспійской степи и на сыпучемъ пескѣ, гдѣ дернъ растетъ рѣдко и трудно, незамѣтный переходъ чернозема въ дерновую почву, — все это объясняется безъ малѣйшаго затрудненія и доказываетъ происхожденіе чернозема изложеннымъ выше путемъ. Причины же образованія чернозема на югѣ Россіи и отсутствіе его за сѣверной границей черноземнаго пространства объясняется, по мнѣнію академика Рупрехта, различіемъ древности или возраста почвъ этихъ двухъ областей страны.

Химическія разложенія чернозема были производимы многими учеными, всѣ они однакоже не могли до сихъ поръ удовлетворительнымъ образомъ объяснить причинъ его плодородія. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что сами хозяева не всѣ согласны въ мнѣніяхъ о плодородности этой почвы: одни видятъ въ ней массу до того плодородную, что навозъ можетъ только испортить ее, но не улучшить; другіе же доказываютъ, что удобреніе необходимо и для чернозема. Такія разнорѣчія можно объяснить тѣмъ, что далеко не на всемъ пространствѣ черноземной полосы эта почва имѣетъ совершенно одинаковыя свойства, и, дѣйствительно, какъ самый составъ черноземной почвы, такъ климатъ, сухость и влажность, наконецъ, та или другая культура должны требовать различнаго обращенія съ черноземомъ. Впрочемъ, можно считать несомнѣннымъ, что черноземъ не заключаетъ въ себѣ условій постоянного плодородія и что, подобно другимъ почвамъ, онъ можетъ истощаться. Такое истощеніе чернозема и необходимость удобренія теперь уже признаются многими хозяевами степной полосы: въ губерніяхъ Тульской, Тамбовской и другихъ черноземныхъ поля и теперь постоянно удобряются навозомъ; а если унавоживаніе полей въ Новороссійскомъ краѣ не вводится во всеобщее

употребленіе, то причиною тому еще, съ одной стороны, обширность земельныхъ угодій, при которой возможно и даже выгодно переложное хозяйство, а съ другой то обстоятельство, что навозъ (кизякъ) составляетъ, при безлѣсін степей, необходимый матеріалъ для топлива. Съ увеличеніемъ же народонаселенія и съ необходимостью, которая тогда явится, отказаться отъ цѣлины и залежей и постоянно воздѣлывать одно и то же поле, хозяева, вѣроятно, должны будутъ прибѣгать къ тѣмъ способамъ пользованія землею, которые основаны на началахъ возвращенія почвѣ такого количества питанія, какое изъ нея извлечено жатвами. Введеніе *чернаго пара* въ Молочанскихъ колоніяхъ, благотѣльные послѣдствія котораго испытаны уже въ теченіе многихъ лѣтъ, составляютъ переходъ къ такому раціональному пользованію черноземными полями.

Въ виду важности предмета мы войдемъ еще въ нѣкоторыя подробности относительно распределенія чернозема въ Новороссійскомъ краѣ.



Дніпровскіе пороги.

Въ Бессарабской губерніи почва черноземная съ легкими примѣсями песку (супесокъ) или глины (суглинокъ); по берегамъ рѣчекъ почва песчаная, съ примѣсью глины; на буграхъ къ глинѣ примѣшивается хрящъ. Различіе между сѣвѣрною и южною частью Бессарабіи состоитъ въ постепенномъ уменьшеніи слоя чернозема: доходя до аршина и болѣе въ верховьяхъ Быка и Чугура, по теченію Реута и Раковца, онъ на Буджакъ не доходитъ и до четверти и при вснашкѣ смѣшивается съ хрящеватою или песчано-глинистою подпочвою. Подобное же явленіе замѣчается и въ Херсонской губерніи, которую относительно почвы можно раздѣлить на три полосы: 1) полосу тучнаго чернозема, занимающую сѣвѣрную часть губерніи; 2) полосу черноземную, занимающую среднюю часть губерніи въ стоверстномъ приблизительно разстояніи отъ моря; черноземъ этой полосы большею частью суглинистый; исключеніе составляютъ только

мѣста возвышенныя—и 3) южная приморская часть, состоящая изъ чистаго суглинка, смѣняющагося иногда чистою глиною или пескомъ, какъ на примѣръ, въ окрестностяхъ Одессы.

Въ Екатеринославской губерніи почва вся черноземная, исключая мѣстъ, прибрежныхъ къ Днѣпру и другимъ рѣкамъ, покрытымъ сыпучими песками. Въ Таврической губерніи почва болѣе разнообразна. Черноземъ господствуетъ въ сѣверныхъ уѣздахъ, представляя три вида: а) глинистый черноземъ, занимающій большую часть Мелитопольскаго уѣзда и восточную часть Днѣпровскаго, б) окаймляющій эту полосу съ трехъ сторонъ песчанистый черноземъ: на сѣверѣ узкою полоскою по берегу Днѣпра, на западѣ, серединою Днѣпровскаго уѣзда, гдѣ этотъ черноземъ постепенно переходитъ къ западу въ сыпучій песокъ, на востокѣ по р. Молочной, гдѣ онъ частью переходитъ въ Бердянскій уѣздъ; в) суглинистый черноземъ, занимающій большую часть Бердянскаго уѣзда по всему протяженію его отъ сѣвера къ югу. Въ остальной части губерніи, въ мѣстахъ прибрежныхъ и на полуостровѣ, чернозема уже нѣтъ—въ Днѣпровскомъ уѣздѣ близъ Алешекъ, въ западной части покрываютъ поверхность сыпучіе пески; вдоль Сиваша на материкѣ и на полуостровѣ тянется полоса иловатая почва, съ многочисленными солончаками, а въ остальныхъ мѣстахъ преимущественно суглинистая почва.

Несмотря на свои черноземныя богатства, Новороссія тѣмъ не менѣе хорошо знакома съ неурожаями: они бывають даже едва ли не чаще урожайныхъ годовъ. Дѣло въ томъ, что край этотъ подверженъ засухамъ, внезапнымъ переменамъ температуры и сильнымъ вѣтрамъ. Но гдѣ хотя небольшая струя воды орошаетъ почву, гдѣ положеніе мѣстности хотя немного защищаетъ ниву отъ вѣтровъ и рѣзкихъ переменъ температуры—тамъ урожай всегда превосходный. Вообще, климатъ Новороссіи—материковый, съ сильными крайностями температуры, весьма неудобенъ для жизни. Зимой морозы доходятъ до 20° и больше, а рѣзкій порывистый вѣтеръ дѣлаетъ ихъ еще нестерпимѣе. Но несравненно тягостнѣе лѣтніе жары, которые нерѣдко доходятъ до 28° въ тѣни. Нужно самому испытать эту адскую жару, чтобы получить понятіе о ней. На небѣ ни облачка. Солнце дышитъ огнемъ, а раскаленный воздухъ стоитъ неподвижно; если же и подуетъ сухой степной вѣтеръ, то онъ еще какъ будто усиливаетъ жару. Все живое прячется въ тѣнь. Ставни въ домахъ цѣлый день заперты и тамъ въ полумракѣ томятся всѣ, кто только имѣетъ возможность не выходить изъ дому. И такой зной начинается съ самаго утра—часовъ съ десяти—продолжаясь почти до заката солнца. Только чудныя южныя ночи съ ихъ прохладой, ароматомъ и ярко горящими звѣздами вознаграждаютъ отчасти за дневную муку.

Какъ мы сказали выше, главнымъ недостаткомъ степей Новороссіи является ихъ безводность. Правда, что они пересѣкаются безчисленнымъ множествомъ рѣчекъ, притоками главныхъ рѣкъ края—Днѣпра, Днѣстра и Буга. Но всѣ эти рѣчки, пробирающіяся на днѣ балокъ и овраговъ, становятся замѣтнѣе только весною, когда почти каждая балка образуетъ глубокое озеро. Но въ сильные жары всѣ они пересыхаютъ. Для водопоя по селамъ стараются удерживать весеннюю воду посредствомъ плотинъ, устраивая такимъ образомъ пруды. Кромѣ того по селамъ, по дорогамъ и по всѣмъ степнымъ плантаціямъ устроено множество колодцевъ. Почти повсюду въ Новороссіи устройство колодца считается богоугоднымъ дѣломъ: какой-нибудь богатый казакъ-хуторянинъ роетъ колодезь на шляху, на потребу проѣзжаго люда, тратитъ на него массу труда и денегъ и затѣмъ всю жизнь заботится о его чистотѣ и исправности. Степные огороды, бахчи и плантаціи безъ колодцевъ, безъ искусственнаго орошенія не могли бы существовать. Особенной заботливостью въ устройствѣ орошенія отличаются менониты, которые придумали даже весьма остроумныя приспособленія для добыванія воды изъ колодцевъ. Такова, на примѣръ, *норія*. Она состоитъ изъ длинной желѣзной цѣпи, перекинутой черезъ горизонтальный валъ, находящійся надъ колодцемъ, и во всю длину усаженной ведрами или черпаками. Черпаки эти движутся въ круговомъ направленіи и при переходѣ движенія изъ нисходящаго въ восходящее наполняются водою въ глубинѣ колодца, а при переходѣ движе-

нія обратно—изъ восходящаго въ нисходящее, надъ колодцемъ изливають эту воду въ особый жолобъ, отводящій ее въ бассейнъ. Норія движется около двухъ горизонтальныхъ валовъ: одного—въ глубинѣ колодца, другого—надъ нимъ; послѣдній зубчатымъ сщъплениемъ соединенъ



Порогъ на Днѣпрѣ.

съ вертикальнымъ валомъ, служащимъ воротомъ; къ рычагу этого ворота припрягается пара воловъ или лошадь, или же онъ приводится въ движеніе людьми.

Новороссійскій край орошается—какъ сказано уже—тремя большими рѣками, Днѣпромъ, Днѣстромъ и Бугомъ. Кромѣ того три большія рѣки протекаютъ у него на границѣ: Дунай,

Прутъ и Донецъ. Характеристической чертою рѣкъ Новороссіи является то, что всѣ три онѣ оканчиваются лиманами; всѣ имѣютъ пороги. Мы остановимся только на обзорѣ Днѣпра—важнѣйшаго судоходнаго пути Новороссійскаго края—и въ частности на его порогахъ.

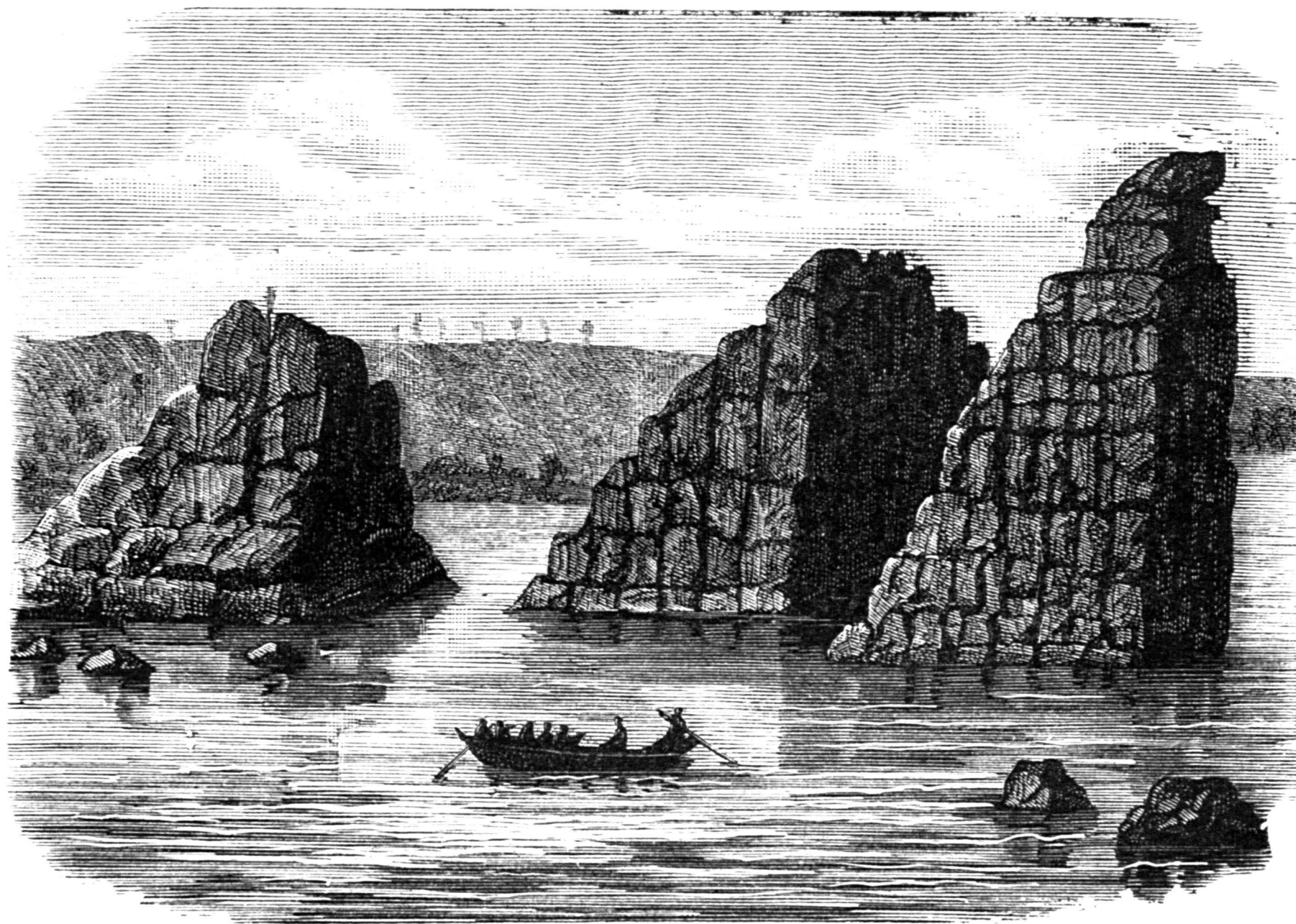
Днѣпръ принадлежитъ Новороссійскому краю своимъ нижнимъ теченіемъ. Вступая близъ г. Кременчуга въ предѣлы Екатеринославской губерніи, Днѣпръ протекаетъ сначала въ возвышенныхъ берегахъ и узкой долинѣ; правый берегъ большею частью крутъ, а лѣвый отлогъ, мѣстами покрытъ мелкимъ лѣсомъ и отходитъ на значительное разстояніе отъ русла рѣки. Оба берега довольно густо населены. На этомъ протяженіи и до города Екатеринослава Днѣпръ судоходенъ, но судоходство встрѣчаетъ многочисленныя препятствія отъ неровностей дна, отмелей и крутыхъ изворотовъ. Дно рѣки часто бываетъ ямистое, песчаное и даже каменистое; притомъ мели, находящіяся на рѣкѣ, не постоянны и перемѣняются почти ежегодно, какъ и глубина, отъ наноса песку, производимаго разливомъ. Мели всегда имѣютъ косое направленіе отъ одного берега къ другому и открываются въ іюлѣ при большой убыли воды. Ниже Екатеринослава Днѣпръ опускается съ каменной гряды (пороговъ), очень затрудняющей плаванье какъ судовъ, такъ и еще болѣе—плотовъ, большое количество которыхъ спускается черезъ пороги. Для плота гибеленъ малѣйшій вѣтерокъ, въ особенности, если плотъ на срединѣ рѣки; поэтому плоты держатся преимущественно береговъ и, —какъ выражаются лоцманы,—любятъ цѣпляться за каждый рожонъ (мысъ). Любопытно и вмѣстѣ страшно смотрѣть, когда плотъ бросается въ первую гряду порога: хвостъ его еще далеко, а голова погрузилась въ омутъ, и люди, стоящіе у первыхъ бабаекъ, погружены по грудь въ кипящую пѣну; секунда—и весь плотъ извивается между камнями. Съ плотами и несчастія случаются чаще, чѣмъ съ барками. Плоты идутъ черезъ пороги иногда по нѣскольку недѣль. Малѣйшее дуновеніе вѣтра—помѣха ему, и онъ долженъ, стоя на якорѣ, выжидать полной тишины.

Характеристической чертой нижняго теченія Днѣпра, начиная отъ города Александровска, является дѣленіе его на множество рукавовъ, перемежающихся низменными, болотистыми островами. Берега его по-прежнему высоки и скалисты, но долина расширяется до десяти и болѣе верстъ и все сплошь покрыто высокимъ камышемъ, лозою, кустарниками и даже лѣсомъ. Днѣпръ, если посмотрѣть на него съ возвышеннаго мѣста, похожъ на огромную змѣю, зеленую съ серебромъ, вьющуюся кольцами по сухой, а иногда и песчаной мѣстности. Во время весенняго половодья, Днѣпръ заливаетъ всю долину и далеко разливается по сторонамъ, но лѣтомъ онъ почти теряется въ этомъ морѣ зелени. Нѣкоторые острова нижняго теченія Днѣпра очень значительны; таковъ, напримѣръ, островъ Хортица, имѣющій въ поперечникѣ до 30 верстъ и извѣстный тѣмъ, что тамъ основалось гнѣздо того военнаго братства, которое прославилось въ исторіи подъ именемъ *«запорожскихъ казаковъ»*. Теперь на островѣ Хортицѣ находится менонитская колонія того же имени. Самый значительный островъ Днѣпра находится при впаденіи въ него рѣки Конскія Воды. Это такъ называемый *Великій лугъ* или *Плавня*. Этотъ островъ имѣетъ до 500 кв. верстъ. Онъ игралъ видную роль въ исторіи запорожскаго казачества. Запорожцы говаривали: «лугъ—батько, а сичъ—маты наша». На этомъ «лугу» и въ его окрестностяхъ находилось множество зимовниковъ, гдѣ не разъ скрывались и гайдамаки. Жители его считались самыми храбрыми и вмѣстѣ самыми неугомонными казаками и славились подъ названіемъ *лугарей*. Онъ весь зеленъ, имѣетъ деревни и множество прекрасныхъ луговъ, отъ которыхъ и получилъ свое названіе.

При впаденіи въ лиманъ, Днѣпръ дробится на десять рукавовъ и безчисленное множество топкихъ камышистыхъ островковъ или плавней. Самый лиманъ представляется глазамъ въ видѣ огромнаго озера, имѣющаго отъ 9 до 15 верстъ въ ширину и до 56 верстъ въ длину. Не разъ цѣлые флоты сражались на немъ другъ съ другомъ,—какъ напримѣръ въ 1787 году. Лиманъ, постепенно суживаясь между Очаковымъ и Кинбурнскою косою до пяти и даже менѣе верстъ, впадаетъ въ Черное море. Этотъ лиманъ былъ извѣстенъ русскимъ давно, особенно

казачеству, подъ названіемъ *великаго*, и сюда ежегодно, несмотря на запрещеніе турокъ, цѣлыя ватаги отправлялись на рыболовство. Ихъ защищали запорожцы, учредившіе для этого особый постъ на урочищѣ, называемомъ Перевѣзка. Лиманъ славится своими рыбными ловлями и въ настоящее время.

Въ заключеніе очерка необходимо сказать нѣсколько словъ о лѣсныхъ возвышенностяхъ Бессарабіи, которыя, при степномъ вообще характерѣ Новороссійскаго края, заслуживаютъ быть упомянутыми. Если изъ южной Бессарабіи, изъ ровныхъ безлѣсныхъ степей Буджака будемъ подниматься къ сѣверу, то замѣтимъ, что характеръ мѣстности мѣняется: степь начинаетъ сильно холмиться, особенно по направленію къ сѣверной части Днѣпра, и видны остатки истребленныхъ лѣсовъ. Долина рѣки Быка опять обнажена отъ лѣсовъ, но холмы все увеличиваются въ вышину, и къ западу отъ Кишинева начинается истинно гористый край Бессарабіи. Тамъ цѣлыя громады возвышенностей и овраговъ, заросшихъ лѣсами, встрѣчаются на каждомъ шагу. Сѣверная часть Кишиневского и южная Оргѣевского уѣздовъ представляютъ



Геркулесовы столбы на Днѣпрѣ близъ Кичкаса (меновитской коловиі, Екатеринославской губерніи).

самую живописную картину этой гористой и вмѣстѣ лѣсной части Бессарабіи. Въ этихъ очаровательныхъ мѣстахъ, среди горъ и лѣсовъ, уединенно пріютились многочисленные бессарабскіе монастыри и скиты. Въ Оргѣевскомъ уѣздѣ надъ Днѣпромъ есть даже монастырь, устроенный въ самой горѣ, подобно монастырямъ, остатки которыхъ сохранились въ Крыму, близъ Бахчисарая и Севастополя. Это—Городищенскій монастырь, отличающійся необыкновенно живописнымъ мѣстоположеніемъ. Въ Ясскомъ уѣздѣ горная полоса болѣе обнажена, но зато холмы достигаютъ здѣсь наибольшей вышины. Близъ сел. Кетросы, одинъ изъ нихъ, извѣстный подъ названіемъ Могура, достигаетъ 1600 футовъ надъ уровнемъ моря. Съ него въ ясную погоду видна столица Румыніи—Яссы.

Въ заключеніе мы должны упомянуть еще объ одномъ геологическомъ феноменѣ Новороссійскаго края. Это—*каменная гряда* или *гребень*, пересекающій всѣ три новороссійскія губерніи сплошною гранитною полосою или отрогомъ. Гряда эта тѣмъ замѣчательна, что она является границею лѣсовъ, которые за нею къ югу уже не встрѣчаются, исключая развѣ искусственныхъ насажденій. Даже самый гранитъ, кромѣ этого отрога, нигдѣ не встрѣчается

въ Новороссійскомъ краѣ. Эта гранитная полоса, составляющая по всей вѣроятности отпрыскъ Карпатовъ, входитъ въ наши степи отъ границъ Подольской губерніи и пробирается къ Бугу, гдѣ образуетъ Мигейскіе и Богдановскіе пороги. Далѣе мы видимъ ту же гранитную полосу, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ, на всѣхъ почти рѣчкахъ именуемыхъ ташлыками (*таш*—постурецки—камень) и каменками, которыхъ насчитывается нѣсколько десятковъ. Наконецъ, на Днѣпрѣ кражъ этотъ занимаетъ обширное пространство, образуя извѣстные «пороги» и «заборы».

С. Ф. Давидовичъ.

